

АНДЖЕЙ ЛАСКИ

ДНЕВНИК ДИАНЫ

16+

Если ты не смог завоевать душу, значит, ты не владеешь ничем

Анджей Ласки
Дневник Дианы

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Ласки А.

Дневник Дианы / А. Ласки — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Так важно начать все сначала. Понять, глубоко проникнув в суть личных отношений, которые накрепко связали героев романа. Потерять и найти, постичь тайный смысл всех жизненных моментов, которые значат слишком много для обоих. До самого последнего абзаца роман держит в напряжении и заставляет переживать за героев. Что в финале? Сможет ли герой вернуть любовь и начать все сначала, или на самом деле повернуть время вспять – невозможно? Чью сторону выберет читатель?.. Роман оставит отклик в каждом сердце, потому что любовь – самое главное, что есть у человека с момента рождения до самой смерти.

© Ласки А., 2007

© ЛитРес: Самиздат, 2007

Содержание

Вместо пролога	6
Первая часть	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Посвящается моему Ангелу.

Книга основана на реальных событиях.

Вместо пролога

Вы знаете, что значит любить? Любить до безумия, до беспамятства? Вы знаете любовь, сводящую с ума? Когда на руках остаются шрамы и порезы, когда каждый миг омрачен этим чувством, но только потому, что очень трудно заставить себя не любить. Если вы не знаете этого, то вы ничего не знаете о любви.

Это чувство, комок неведомой энергии, может проглотить целиком, и, как следует пережевав, выплюнуть. Вот только тогда можно понять, что же это есть на самом деле. Но будет поздно.

И не говорите мне о том, что не любили. Многие сразу забывают об этом, бросаясь в новый водоворот чувств и сомнений, который, несмотря ни на что через некоторое время, поступит совершенно так же. И винить в этом будет некого, кроме самого себя.

Первая часть

Несколько страниц отделяли меня от судьбы девушки. Девушки, которую я, как мне казалось, знал от начала и до конца, от ступней ног и до кончиков волос. Все, что было у меня в жизни прекрасного и светлого – это она, одна единственная, кто показал мне весь мир таким, каким он был на самом деле. Я боялся открыть эту книжечку, маленькую синюю книжечку, в которой записана судьба.

Мои руки держали фолиант, на котором было начертано «Дневник Дианы». Она – прекрасная, умная, сильная женщина, но однажды все пошло иначе, и жизнь разлучила нас. Она выбрала один путь, я – другой. Мне было больно, очень больно знать и осознавать, что человек, которого ты любил и уважал всей душой, больше не с тобой, а где-то далеко-далеко, там, где жизнь идет по иным временным законам.

Дневник – это все, что у меня осталось от наших с ней отношений. Диана тогда сказала: «Прочитай, когда будет время... там мой мир, моя душа... Ты должен знать меня настоящую...» Когда она была со мной времени не оставалось, ведь познавать ее самому было гораздо интересней и осмысленней. Мой духовный мир обогащался новыми открытиями, новыми знаниями, ибо она делала все, абсолютно все возможным. Наверное, это были самые счастливые дни.

Я сидел в полной темноте, не зная, открывать или нет дневник; мне почему-то казалось, что это все равно, что полоснуть острым лезвием по венам – кровь идет, покидая плоть, и жизнь остывает, так и сейчас: если я открою дневник, не будет ли это тем самым потоком крови, после которого все мои идеалы растворятся без следа. Я боялся. Трусость – не мужское качество, но разве крушение идеала не может не вызвать страха?! Слезы выступили на глазах, хотя мне стыдно признаться в этом самому себе. И я решился.

Страничка за страничкой шуршали в моих руках. Теперь мне все было известно о ней, о ее любви, страдании, страхах. Я понимал и узнавал Диану на страницах дневника. Она была именно той, за кого себя выдавала и не надо было той лживой гордости и прикрас, которыми пользуются многие. Она была самой собой, а это было самым главным в наших отношениях. Мы доверяли, любили друг друга без остатка. А теперь ее нет, по крайней мере, в моей жизни, и вряд ли появится еще. От нее остался лишь запах яблок – запах ее духов, который мне не забыть никогда.

Я выключил настольную лампу и зажег свечу, пытаюсь воссоздать ту обстановку и то настроение в комнате, когда мы были здесь вместе с ней. Однако теперь я чувствовал себя одиноким и потерянным среди миллионов других людей, среди тысяч городов, среди десятка стран, словно песчинка на городском пляже. Я знал, что это мои последние воспоминания о ней. А зачем жить без нее – нет никакого смысла. Этот рассказ и отрывки из ее дневника последнее, что я смогу когда-либо прочесть и понять.

* * *

Она была всегда. Я никогда не вспомню, где и когда я познакомился с ней. Возможно, она пришла ко мне из сказки, а, может быть, я сам придумал ее. Плод моего воображения, который стал частью меня самого. Я видел ее в своих снах, я много думал о ней и она, вот так просто, однажды ворвалась в мою жизнь и очень долго не хотела уходить, впрочем, я был этому только рад.

Иногда я даже боялся, что это всего лишь сладкий сон, и когда я открою глаза она исчезнет, растворится в воздухе без следа. Но она не исчезала. Даже и не думала. Все что происхо-

дило, становилось частью нашей с ней жизни. Секунды казались мне часами, часы – неделями, недели – годами. Я сам выбрал себе это блаженство и никогда бы не смог отказаться от него.

Я влюбился, влюбился до беспамятства, как мальчишка. А ведь она всего лишь распахнула мою дверь, глаза наши встретились, и дальше все пошло как в том старом фильме, когда любовь неизбежна, а смерть приходит очень рано.

Сейчас мне кажется, что в тот момент между нами проскочила какая-то искра, искра взаимности.

Она просто вошла, положила мне руки на плечи, обвила ими мою шею – «Я долго тебя ждала, очень долго...» – и наши губы слились в долгом и нежном поцелуе.

Что людям стоит понять друг друга, даже если они только что встретились?.. Каждое движение, каждый жест не остается без внимания, приобретая вселенские масштабы. Один взгляд может предопределить дальнейшую судьбу. И нет объяснения тому, что влечет двоих друг к другу, просто это происходит внезапно; что-то сродни древнему волшебству. Этот поцелуй соединил нас.

«12 марта 1985 года

Завтра уезжаем на пикник. Мама уже собирает вещи. Кэт поедет с нами. Вот повеселимся. Будем ловить рыбу, жить в палатке, встретим рассвет. Как все чудесно складывается. И тебя, дневничок, я возьму с собой. Там будет здорово. Никто не будет мешать нам. А ты знаешь, Ро такой милашка, но очень скромный...»

Была ночь любви, ночь откровения. Моего откровения. Практически все, что я думал о ней я рассказал... Да, рассказал ей самой, моей мечте, моему идеалу, моему кумиру. Диана даже не улыбнулась, принимая все, даже полнейшую, как мне казалось, чушь. Жизнь такая штука – никогда не знаешь, что преподнесет она в следующий миг.

Были сказаны все слова, все взгляды, самые горячие и продолжительные, было сделано все. Я любил ее. Мои мечты, мои самые порочные желания приобрели свой образ, но все-таки это было несколько иначе, несколько возвышенной и утонченной. Плоть от плоти моей, кровь от крови. Невыносимый бред. Почему? Почему ее больше нет? И не будет. Никогда...

Меня бросало то в жар, то в холод... Я твердил лишь одно слово, одно имя, которое для меня в жизни значило гораздо больше, чем что-либо еще.

Ее образ не исчезал, да и мог ли... Девушка с ангельским лицом. Только крыльев нет. Впрочем... теперь, наверное, уже есть. Почему она ушла? Она просто запуталась, попав в тупик отношений между двумя одинаково дорогими ей людьми? Насколько они были ей дороги судить не мне, а ей самой, но она уже сделала свой выбор, и никто не сможет ее осудить за этот шаг.

– Диана, ты знаешь, как я люблю тебя.

– Да.

Мы стояли с ней под дождем. И почему-то ни у нее, ни у меня не было зонта.

– Диана, милая, что случилось? Почему все так происходит? Все несуразно и нелепо...

– Я не знаю. – Мне показалось, что она плачет. – Я не знаю, – повторила она.

– Диана, – ты помнишь ту ночь, ты помнишь те прекрасные сны, нашу любовь? Ты помнишь, как нам было хорошо вместе... Диана, ты помнишь все.

– Да, но не надо об этом, – она попыталась освободить свою ладонь, – Отпусти меня, мне больно.

Чуть помедлив, я разжал руку. Последнее прикосновение. И так всегда: последний поцелуй, последнее прикосновение рук, последний взгляд... и расставание... навсегда.

– Саймон, прости, – я заметил блеск в ее глазах, и слезы текли по лицу, смешиваясь с каплями дождя, падали на землю, растворяясь в лужах.

Мне хотелось прижать ее к себе, но обстоятельства складывались иначе. Она дрожала. Последнее, что я увидел – как она повернулась и побежала. Побежала в темноту, куда-то далеко. Я не останавливал ее, не кричал. Я видел ее в последний раз.

Что это было? Любовь, влюбленность, что? Мы разошлись как два одиноких корабля в бушующем океане. Казалось, мы были Летучими Голландцами, которые стали невидимы друг для друга. Почему же, зная о ее чувствах ко мне, я не бросился за ней в темноту и пустоту улиц, чтобы остановить? Почему, зная ее адрес и номер телефона, я так и не разу не пришел и не позвонил? Теперь уже все слишком поздно.

Скрип тормозов, глухой удар, сломанная жизнь и сломанный каблук. Где-то там, далеко и уже не в моей власти что-либо изменить. Она выбрала этот путь. Она ли? Если бы... Что теперь говорить.

Казалось, уже вся жизнь распланирована и единственное, чего хотелось бы – дожить спокойно в мире и взаимопонимании, но внезапно самолет, в котором ты летишь на деловую встречу, теряет управление и разбивается, падает на голову кирпич или в тебя попадает шальная пуля, предназначенная кому-то другому. Я много думал об этом. И что самое смешное, это происходит не по твоей собственной воле, кажется, есть кто-то иной, кто распоряжается твоими минутами, часами, днями. Они просто тебе не принадлежат. Раз – и все, тебя больше нет, ни здесь, ни где-нибудь еще. Просто нет. Несчастный случай.

Звук сирены, красно-синее мерцание проблесковых маячков полицейских машин и скорой помощи оглушил. Все было как в дыму, как в замедленном кино. Медленные шаги, глухие голоса, плотное кольцо людей вокруг лежащей на асфальте Дианы и я, одиноко стоящий немного в отдалении, молодой человек, только что потерявший цель жизни за какие-то несколько минут. Несчастный случай. Один из тех.

* * *

Комната наполнена бесцветными снами и воспоминаниями. Ее фотография на стене. Я не снял ее, хотя знал, что бездна неминуема. Я знал, что она уйдет. Но не думал, что навсегда. Потеря для каждого неизбежна.

Мысли кружатся, нет ни одной четкой. Наверное, это всегда так происходит. Ведь мне тепло, а она умерла на улице, в грязи. Ангел умирает в грязи. Страшно и глупо.

*«дата затерта...
...Ибо все так происходит. Он приходит,
А мы с тобой стремимся к жизни и любви.
Что значит слово, просто слово,
Неважно. Этого никто не должен знать.
Сменяются столетья, годы, ночь – днем,
Весной зима... опять;
А мы идем вперед, к восходу,
Почувствовав Любви большую власть.*

Мне сегодня было очень одиноко. Это как-то странно. Не знаю, может быть и происходит что-то в природе, как будто в день праздника Хеллоуин, когда в воздухе скапливается неведомая никому энергетика. Не знаю, не могу сказать. Это стихотворение я написала... Всего лишь несколько минут понадобилось. Первое. Никогда не писала...»

Это стихотворение из ее дневника я выучил наизусть. Что-то в нем есть – какая-то особая сила. Когда мне становится плохо, я повторяю его и возвращается спокойствие.

Комната наполнена шорохом страниц. Я не хочу читать все подряд...

* * *

Вечер. Как быстро летит время, если его не заполнять ничем, и как медленно бегут дни. «Сменяются столетья, годы...» Да, права, тысячу раз права. Но редко кому удастся увидеть смену столетий. Человеческая жизнь столь коротка и столь хрупка. А насколько хрупка душа человека. Разбить ее очень легко, даже стараться особо не надо, но собрать осколки под силу не каждому.

Сейчас ничего не хочется делать, только думать, что тоже дается с большим трудом. Все вокруг смешалось. День превратился в ночь, ночь растаяла бесследно. Все серо и однообразно. Я даже закрыл шторы, чтобы ничего не смогло разрушить мои воспоминания. Сколько я нахожусь в таком состоянии: час, день, неделю, месяц, год – мне все равно. Нужно что-либо еще мне сейчас, когда нет ее?

Интересно, что будет, когда я умру? Говорят, когда человек умирает, его душа переселяется в другое тело, потому что она бессмертна. Кем я буду? Мальчиком или девочкой? А может быть просто собакой или каким-нибудь деревом. Впрочем, так ли это важно, когда душа бессмертна: я не боюсь смерти. Она не более чем дверь в иное измерение.

Осталась только память и ее платок из нежного шелка. Вот что не дает мне выйти из этого состояния одиночества. Ее платок и запах яблок, всегда преследовавший ее. Запах ее духов, запах ее тела. Мне всегда хотелось насладиться ее пряным ароматом. Что сейчас не дает мне сделать это? Я знаю... Ее нет. Нет рядом со мной.

Она просто сказала: «Я тебя не люблю». Но тогда зачем надо было начинать всю эту игру, игру без конца, без хеппи энда, как это бывает во всех фильмах. Жизнь не похожа на фильм, ни малейшего намека; и счастье далеко не всегда приходит, когда ты надеешься, веришь и ждешь. Истина. Справедливая истина.

Все, казалось бы, лучше некуда, и, вот, в один прекрасный день она произносит эти страшные слова: «Я тебя не люблю». Это рушит все: планы, жизнь, чувства и душу. Всего четыре слова низвергают тебя в пучину мрака и скуки, бессмыслицы и небытия. И не столько обидно, сколько страшно... страшно, что ты остаешься один... опять один, как это бывало не раз, и не два.

Рука нащупала пульт, пальцы побегали по кнопкам. Нет, я не хочу шума и голосов: «Здравствуй, с вами телекомпания CNN», или «ABC», впрочем, название не играет никакой роли. Я просто хочу тишины и покоя. Как часто в последнее время хочу только тишины и покоя.

Все чаще и чаще замечаю, что постепенно замыкаюсь в себе. Я разговариваю, веду длинные монологи, спорю с самим собой. Странно, мне теперь никто не нужен. Примерно так сходят с ума. Моя комната стала единственным местом, где я чувствую себя спокойно. Что происходит? Я молчу, я почти все время молчу. Телефон давно не звонит – я отключил его. Безумно страшно жить в страхе. Бояться открыть дверь и увидеть за ней свою тень. Бояться подойти к телефону и услышать чужой голос. Только ночью приходит некоторое облегчение. Свобода дает крылья, на которых так легко взлететь к самому солнцу, а страх приковывает тяжелыми цепями к полу и не дает ступить ни шагу. Все это – страх. Страх закрыть глаза, страх открыть их, страх сделать лишнее движение, страх погрузиться в депрессию. Бояться каждой минуты жизни – сумасшествие. Впрочем, все это близко к истине.

Любовь – игра без правил, где нет победителя, а есть только побежденный или ничья.

Я повторяю раз за разом ЕЕ слова. Я начинаю думать как ОНА, чувствовать как ОНА. Все так и происходит: ОНА умерла, а я вживаюсь в ее образ и ее чувства.

Единственное, что я хочу понять, стоила ли игра свеч?.. человеческой жизни?.. разве мало людей погибает каждый день?.. под машинами, поездами, от неразделенной любви? Зачем еще жертвы? Во благо кому?.. Никому... просто так. Это смертельная игра, которую мы выбираем сами для себя.

* * *

Солнечный день. Золотые луга. Зеленая трава. Диана. Все это рядом, всего этого можно коснуться рукой – это ее мир, ее фантазия.

– Поймай меня, – она бежала, ее белое полупрозрачное платье развевалось на ветру.

– Диана, стой, – я бросился за ней.

Нам было хорошо вдвоем.

– Я люблю тебя, – ее крик разнесся по окрестностям звонким эхом на много миль.

– Диана! Диана, стой...

Я догнал ее, и мы вместе упали на траву. Безумные долгие поцелуи, ласки, любовь. Все это было каким-то сумасшествием, но нам было наплевать. Детская игра, такая же забавная и нелепая как все в этом мире – мире грез и сновидений. Разноцветный ковер цветов окутал долину. Где еще можно найти такое умиротворение?! «Прошло так немного времени, а ему уже принадлежит каждый мой вздох, каждое мое движение, он знает обо мне все – обо всех моих мыслях, чувствах. Я в полной его власти. Он может управлять мной, потому что я сама этого хочу. Он знает все мои секреты, потому что я так захотела». Словно две души слились воедино, но... все проходит.

Мы вырастаем и уже не избавиться от мысли, что нам этого делать нельзя. Надо думать о мнении людей, окружающих тебя, нельзя «падать» в их глазах, нельзя даже подурчиться, иначе они просто покрутят пальцем у виска. Они просто не поймут или не захотят понять.

Наверное, в каждом из нас где-то глубоко-глубоко внутри все еще живет ребенок с его порывами, мыслями, но далеко не любой предоставит ему полную свободу действий хотя бы на несколько минут потому что **нельзя**. Кто запретил нам делать все это?! Общество. Люди. Все те, кто рядом с нами в каждый момент нашего существования. Концепция мировоззрения достает нас. С их постоянными «не надо», «не стоит», «вряд ли». Каждый считает себя самым умным и потому смотрит на другого как на соперника.

Здесь же нам ничего не запрещено. Здесь мы можем быть такими, какие есть на самом деле – естественными и раскованными. Пускай детские игры снова возродятся. Я хочу чувствовать себя независимым и уйти от взрослого мира... и Диана хотела.

...в дверь постучали.

– Диана, открой, – теперь мы в маленьком домике на берегу лесной реки. Ели и сосны отгораживают от нас своими верхушками жаркое летнее солнце, которое запуталось в паутине, свитой на кронах деревьев; а вода прозрачна до такой степени, что видно даже самый маленький камушек на дне.

Диана открыла дверь. На пороге стояла маленькая девочка в белом платье – точная копия маленькой Дианы. Такие же большие серые глаза, красивые золотистые волосы, спускавшиеся водопадом ниже плеч.

– Ро, здравствуй, – она явно обращалась ко мне, – ты очень милый... и застенчивый, но знаешь... ты мне тоже очень нравишься...

Я приподнялся с кресла. Такие слова ошеломили меня. Маленькая Диана. Я читал об этом в дневнике. Почему она здесь? Почему мы с Дианой здесь? Как странно...

личинках заботятся, а эти больше похожи на брошенные на пол старые половички, о которых многие вытирают ноги. И все знают, что это грязно, гадко и мерзко, но только вот поделаться с этим ничего нельзя, потому что тогда как они не будут осознавать, что они выше того, что есть.

Можно много говорить о множестве и единстве. Много говорить и не понимать. А можно один раз оказаться в толпе и почувствовать, узнать ее запах – этого будет достаточно.

Чувства – самый верный знак, никогда не подведут. Проверено тысячу раз, и всего лишь одна ошибка за многие годы. Одна ли? Может быть теперь, переосмысливая весь пройденный путь, я найду еще несколько.

Мысли вновь вернулись к Диане. Ночи, проведенные с ней, давали мне поиск дальнейшего пути. Так ли все было просто, как казалось тогда. Нет, далеко не так. Она любила одного, отдавая свое тело другому.

Душа – самое главное в человеке. Если ты не смог завоевать душу, значит, ты не владеешь ничем. Как сердце является важным органом для поддержания физической жизни, так душа является сердцевинкой духовности. Ее душа принадлежала Робби. Я был лишь крохотной песчинкой, промежуточным этапом существования Дианы. Она так и не смогла полюбить... по-настоящему полюбить меня, отдать за мою любовь всю свою душу.

А что есть любовь в физическом плане. Соприкосновение двух тел. И, не боюсь себе в этом признаться, приятное соприкосновение. Наслаждение одного человека другим. Почему бы нет? Ведь и проститутки зарабатывают на хлеб. А два влюбленных, именно влюбленных, но не любящих человека, разве не могут доставить удовольствие друг другу.

Я помню, ласки Дианы, красивая грудь доставляли мне огромное наслаждение; горячие поцелуи будили во мне какую-то первобытность; мягкие руки ласкали меня, она отдавалась мне без остатка. Я целовал ее грудь, упругую от возбуждения; я крепко прижимал ее к себе, наслаждаясь ее телом; я выучил каждую ложбинку на ее коже. Великолепие секса нам ничто не могло заметить.

Мы занимались любовью с упоением, большего которому альтернативы не было. Хрупкая на вид она была словно разъяренная тигрица в постели. Просто поцелуев и нежного секса ей было мало. С каждой минутой она распалась все больше и больше. Когда мы останавливались, чтобы отдохнуть буквально на несколько секунд, я шептал ей на ухо: «Безумная... безумная... безумная...». Ей это нравилось. Она просто сходила с ума, и мы начинали «схватку» заново. Странно, с ней я никогда не уставал, как было с другими. Одновременно грубая и нежная. Этого нельзя понять, это можно только постичь.

После она брала сигарету и затягивалась. Моя рука скользила по ее телу, по ее прекрасной гладкой нежной коже. Сигарета придавала ей сил, и мы продолжали... Все повторялось вновь и вновь: ласки, чувственные прикосновения губ, поцелуи до тех пор, пока мы не падали в изнеможении. И на следующую ночь все повторялось.

Я не отдавал себе отчета в том, что эта девушка не любя, отдает мне всю себя. Мне казалось, ее чувства ко мне настолько правдивы и откровенны, что продолжал обманываться еще очень долго, пока понял насколько был не прав.

«5 августа 1987 года

*Мне до сих пор трудно поверить в то, что Робби больше нет. Его похоронили на городском кладбище. Кажется, это было только вчера... Как трудно перенести утрату близкого человека. Конечно, он был не **настолько близок** мне, но я его **ЛЮБИЛА**. И он, наверное, тоже. Я точно не знаю... Он был очень скромным.*

Я закрываю глаза и вижу его лицо. Большие серые глаза смотрят на меня с неугасимой тоской. Он часто приходит ко мне во сне. Он такой милый.

Нет больше чувств...ни любви, ни искренности, ни доброты. Какая-то пустота внутри. Как будто во мне что-то умерло и похоронило все мои лучшие качества. Я целые дни сижу в комнате. Солнце светит, за окном несмолкающий гул проезжающих машин, жизнь продолжается, но не для меня. Беда приходит неожиданно, когда кажется, что все лучше и быть не может. Я знаю, Он так хочет.

Все говорят, что верят в Бога, даже наша соседка миссис Элисон, эта сварливая, противная старушка. Но так ли это на самом деле? Почему мы вспоминаем Его только тогда, когда наступят трудные дни? Мы молим о помощи, прося всяческих благ, но внутри ругаем себя за то, что раньше не подумали о возможной Проблеме. Она постепенно надвигается, захватывает тебя всеми своими лапами, накидывает паутину, и вот, перед нами все исчезает и остается одна она – огромная Проблема. И вот только тогда ты пытаешься решить ее всеми законными, а порой и незаконными методами, что от себя скрывать, и такое бывает. Остается надежда на деньги, на Большие Деньги. А если уж и Деньгами не помочь – вспоминаем Бога. Мы вспоминаем о Нем в последнюю очередь. Да, конечно, мы помним о Нем всю свою жизнь, лилеем надежду, что Он где-то там, в сердце, есть и не оставит, мы это помним, но особо не обращаем на это внимание. Но в этот сложный период мы вспоминаем Его со всей «преданностью». Мы можем даже зайти в Храм и поставить свечу, может даже две; мы можем перекреститься, думая, как глупо это смотрится со стороны, что это есть на самом деле? не это ли лицемерие... мы лживы сами перед собой; мы можем подать милостыню нищему, сидящему у церкви, надеясь, что лишние 25 центов восполнят нам все наши утраты, и помогут в решении Проблемы...

Как это все трудно и бессвязно... Мне все надоело... Мне надоело жить, мне надоело думать и рассуждать. Я страшно устала... хочу только одного – спать.

Впрочем, что значит спать – когда, закрывая глаза, видишь одно и то же, один и тот же кошмарный сон. День ото дня, ночь за ночью он преследует меня, не отставая ни на шаг. Было бы лучше просто отключить свое сознание и забыться... Но можно ли это назвать сном?»

* * *

Я помню один разговор с моим отцом. Давно это было – несколько лет назад. Отец прожил долгую, далеко не счастливую жизнь. Лишь мое появление на этот свет было огромной радостью для него. Он много пережил и страдал. Несчастливая любовь, война во Вьетнаме, развод с моей матерью – все это убило его, разметало в пух и прах, не оставив и камня на камне. В свои 50 он выглядел семидесятилетним стариком. Умер в 52 года, а ведь он хотел еще много добиться, возобновить отношения с матерью. Он хотел начать все заново, забыть прошлое... Не получилось... не успел...

– Честность – иногда самая лучшая политика. Только честность сближает людей. Я не против того, чтобы соврать раз-другой, когда нужно. Но лживые игры ведут к смерти. Хотя иногда всякая лучшая маскировка – это ложь. Это профессиональная необходимость. Нельзя лгать самому себе. Надо принимать правду, какой бы гадкой она ни казалась. Это и есть необходимая для выживания примиряющая с действительностью защитная реакция организма. И ложь во спасение одной отдельно взятой жизни: возможное ее благополучие и торжество внутри пражом идущего, неприемлемого и не принимаемого мира.

Я это понял, когда служил в армии, – отец сидел напротив меня. Какие мысли привели его к этому монологу, я не могу сказать, но знаю – он был прав. Прав как никогда. И дал мне понять это...

– Ты знаешь, – он продолжал, – что я служил во Вьетнаме. Несправедливая война. Но тогда мне казалось, что все впереди, я дослужусь до генерала, уйду на пенсию и много-много другого. Я был полон надежд на светлое будущее. Я пошел в армию за несколько месяцев до конфликта. Старался быть всегда и везде первым. У меня был друг – Джон. Мы с ним делали все вместе, мы были лучшими. Видимо поэтому мы и попали в первые ряды тех, кого послали во Вьетнам. Первые дни было здорово: учения в джунглях, партизанские вылазки. Такая игра как у бойскаутов, только все по-настоящему. Нас отменно кормили – Америка не скупилась на пайки.

Все произошло неожиданно. Ночью на наш лагерь напали вьетконговцы. Они взяли нас не столько умением, сколько числом. Их было очень много, у них было неплохое оружие – им помогали русские. В какой-то момент боя, мы с Джоном оказались в разных концах лагеря один на один со смертью. Наш отряд нес огромные потери и буквально часа через два лагерь был усеян трупами наших и вьетнамских солдат. Но все же они выиграли этот раунд.

В схватке боя меня оглушило взрывной волной. Я лежал как мертвый, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Узкоглазые вырыли большую яму и стали сбрасывать туда трупы. Они особо не присматривались, считая, что живых больше не осталось. Меня тоже сбросили в эту яму.

Я очнулся, спустя несколько часов, постепенно сознание вернулось ко мне. И первое, что я увидел, открыв глаза, мертвый взгляд Джона.

Ты представить себе не можешь какой стоял смрад и вонь. Трупы, под палящими лучами солнца уже начали разлагаться. Я чуть не сошел с ума, выбираясь из ямы. Было очень страшно.

В живых остался только я один, и то, по счастливой случайности – граната, которую кинули в яму вьетконговцы, не взорвалась. Я скитался по джунглям несколько дней, пока не наткнулся на лагерь паршивых вьетнамских свиней. Я дождался темноты... Все произошло очень быстро. Никто ничего так и не понял... просто не успел понять.

Утро встретило меня гробовым молчанием, трупами и кровью.

Через несколько лет война закончилась, так и не достигнув поставленного результата. Зачем она вообще была – сказать никто не может. Это было похоже на принудительную чистку страны, когда тебя насильно превращают в пушечное мясо. И никто не спрашивает хочешь ли ты этого.

Нас обманули. Нацию обманули своим молчанием. Тех людей, которые готовы были на все ради блага своей страны, просто вывели в поле и расстреляли из гаубиц, не оставив ни малейшего шанса на побег, но я это понял слишком поздно.

Война никогда не сводится к кратковременным конфликтам, она может продолжаться бесконечно и будет питать сама себя, даже когда причины ее давно забыты. У войны есть своя структура, проявления которой многообразны. Нечто, существующее само по себе, что рождается, быть может, из случайного слова, действия, приказа и питается затем плотью, кровью и ненавистью противников. Не однажды случалось, что находились люди, задававшиеся целью уничтожить войну – и тогда война уничтожала их. Каждый военный конфликт был порождением еще более давних войн. Так можно было бы добратся до самой первой из всех войн, когда Каин поднял камень на Авеля.

Уже позже мы часто спрашивали себя, ради чего мы воюем, но никогда не задавались вопросом почему воюем. Наша история отравлена войной, ею пропитана каждая клетка живых организмов. Даже фигурки на шахматной доске дерутся по причинам более понятным, чем мы – люди.

Тогда, когда наше общество построено на милитаризме, шовинизме и взаимной ненависти, а тем более тогда, когда такие вещи возводят в ранг законов, стоит ли говорить о демократии и свободе слова? Нет. Кто-нибудь вспомнит сейчас тех, первых, погибших во Вьетнаме? Нет, – только родственники: матери, отцы, братья, сестры, жены, у которых всего-то и оста-

лось, что траурная рамка с фотографией, да награды – кусочки холодного металла, спрятанные где-нибудь глубоко в шкафу, которые не умеют говорить и не смогут помочь на старости лет. И всё, больше никто. Они никому теперь не нужны. Их забыли. ЗАБЫЛИ, понимаешь?! – У него на глазах появились слезы. Слезы, которые говорили о лжи и коварстве окружающего мира, в котором он совершенно случайно оказался при рождении. Просто несвоевременно свернув не на ту дорогу, которая привела его на эту странную планету.

– А дети?! – Он как бы невзначай провел ладонью по лицу, смахнув предательские слезинки, – а как же все те дети, отцы которых погибли на этой войне? Всю жизнь они говорили, сверстникам, что их отцы-герои сражаются за Отечество, и вот однажды приходит момент, когда, став достаточно взрослыми, они узнают, что война давным-давно закончилась, что отца нет, и он больше никогда не переступит порога своего дома. Как могут, как они могут верить всем тем, кто лгал все эти годы, покрывая свою ложь благими намерениями? Как могут верить они в блестящее будущее своей страны, которая так жестоко обманула их? Ведь все то, что начинается с маленького обмана, с годами обрастает еще большей ложью. И этот процесс уже не остановить. С каждым днем он глубже и глубже засасывает, словно болото, а над которым кишит черная туча мошкеры, затмевающей небо. И ведь все они тоже хотели отцовской ласки и внимания, но так ее и не получив, превратились в послушных рабов своей страны, по кирпичику выстраивая ее, так называемое, счастливое будущее. Их всех поглотила Система. Система лжи и обмана. Система бескомпромиссного отношения к самим себе.

Мне больно, очень больно жить с такими воспоминаниями. Жить и помнить о тех, кого похоронили в общей могиле без крестов и табличек с именем, фамилией – тем, что положено человеку – герою, тому, кто сделал свой последний шаг ради Страны, которая послала на верную смерть, не предупредив об этом.

Позор нашей нации – война во всех ее проявлениях. Борьба за идеологию приносит жертвы, которые быстро забываются, – отец замолчал. Его тяжелый суровый взгляд был устремлен куда-то вдаль. – Я часто вспоминаю последний взгляд Джона.

Что толкнуло его рассказать мне об этом, до сих пор не знаю и не узнаю никогда, но попробую предположить.

Я был первым человеком, кому он открылся, он больше не мог держать весь этот ужас в себе. Ему надо было выговориться, облегчить душу. Я понимал его... Страшные реалии мира преследовали отца еще много лет спустя. Он перестал верить, он перестал обманываться, он потерял свой творческий потенциал и веру в жизнь. Стал самым обыкновенным человеком. Видимо поэтому отец хотел начать все сначала, чтобы возобновить утраченное... не успел...

Когда перестаешь верить в жизнь – это самое страшное. Разувериться и быть «как все», не имея ничего вокруг себя кроме четырех стен и потолка, жить и не чувствовать смысла жить – просто сосуществовать. Я пытался сделать все от меня зависящее, я пытался, но бессмысленно. Он так и умер без веры в жизнь. Мы похоронили его на кладбище в Санта-Круз. Покойся с миром, мы помним тебя.

«Покойся с миром» – такая же надпись на гробовом камне Дианы. «Годы жизни 1972-1997». Ей было всего лишь двадцать пять.

* * *

«Надо уметь прощать» – так, кажется, сказала она мне.

– Саймон, надо уметь прощать, – она улыбнулась. – Жизнь проходит слишком быстро, не успеешь оглянуться, а тебе двадцать, тридцать, сорок лет... Надо уметь прощать, пойми, не так уж это и сложно.

– Диана, я знаю, ты единственная кого я бы смог простить всегда.
Она посмотрела мне в глаза. Сколь пристальнен был этот взгляд.
– Ты, – она выделила это слово, – ты уверен в этом?
– Я люблю тебя, я люблю как ты выглядишь, люблю твой запах, я люблю как ты улыбаешься, люблю гладить твою кожу, люблю твой взгляд, люблю твой голос. Я люблю. Я люблю все это.
– Ты любишь мое тело... ты любишь мою душу? Ты любишь мое сердце?
– Да... я...
– Не говори так. Знаешь, чем больше ты говоришь, тем меньше я верю. Трудно объяснить почему. Во мне пропадает это чувство искренности твоих слов.
Всегда Диана верила мне.
– Почему? Что произошло?
– Я не знаю, Саймон. Мне кажется, чего-то не хватает в наших отношениях... мы любим друг друга... – она помедлила, – так ли все на самом деле?
– Я не понимаю, Диана.
– Просто хочу понять глубину твоей любви и искренности твоих слов... Ты счастлив? Ты действительно счастлив со мной? – глаза в глаза – и не осталось даже тропки для побега.
– Я тебя люблю. Люблю всем сердцем.
– Я тоже тебя люблю. Но люди меняются... даже если они этого не хотят.
Именно после этого разговора мы оказались на улице... под дождем...
– Ты говорила, что...
– Когда это было?
– Странный вопрос... Что произошло?
– А ты не мог предположить, что за такой короткий срок все могло измениться? И далеко не к лучшему...
– Что ты имеешь в виду... ты счастлива, когда мы вместе?
– Не это вопрос, Саймон. Счастье слишком мимолетно... его не ухватишь за хвост и не посадишь в клетку. Каждая секунда, прожитая нами, становится все длиннее и длиннее... не знаю... это ли настоящая любовь, настоящие чувства.
– Ты странно говоришь. Я не понимаю... Почему все так резко изменилось?
– Подожди, не спеши, дай сказать самое главное. Я хочу остаться одна.
– Хорошо, я тебя покину ненадолго.
– Нет, Саймон, я хочу уехать на несколько дней, на неделю, на месяц, если это потребуется. Я хочу разобраться во всех своих чувствах. Я хочу понять.
Она накинула плащ.
– Подожди, на улице дождь!
Диана хлопнула дверью. Накинув пальто, я побежал за ней, нагнав ее на улице... дальше... что было дальше... ах, да... Ее слова: «Я не люблю тебя».

Я все время возвращаюсь к этому моменту. К моменту ее смерти. А может быть я сам виноват, что удерживал ее. Может, надо было просто отпустить. Пускай она ушла бы, не спеша. Пускай на день, на неделю, на месяц, на год, но потом все равно бы вернулась, не в качестве невесты или любовницы, но хотя бы подруги. Просто подруги, каких много, но для меня все равно была бы единственной. Если бы она тогда не побежала, все было бы иначе. «Надо уметь прощать»... Да, ПРОЩАТЬ, иначе можно остаться одному в этом мире, и так умереть, отгородившись стеной собственной глупости, под названием эгоизм.

А могу ли простить Диану я теперь? Девчонка, живущая во власти своих собственных грез. Милая и глупая.

«Подожди еще немного. Хорошо? – внутренний голос дал о себе знать. – Подожди, не верь домыслам – верь чувствам. Скоро ты все поймешь, во всем разберешься».

Сотня-другая таких фраз на дню не может успокоить. Чему теперь верить? Ведь больше ничего не осталось. Ничего, даже чувств.

Я не могу выкарабкаться из омута сомнений, который затягивает все глубже и глубже; не могу вернуть прошлое. Могу лишь быть здесь, в этой комнате, в которой был создан когда-то мир, наш с ней мир теплоты, взаимопонимания и любви. Он был ярок... Диана делала его таким. А теперь, когда ее не стало, краски потускнели и померкли.

Усталость навалилась на меня. Я перелистнул еще одну страничку ее дневника.

* * *

«21 декабря 1987 года

Ночь. Луна. Тени домов.

Где-то далеко-далеко мой Робби. Мой милый скромный и ласковый Робби. Он часто приходит ко мне во сне. Мы с ним играем. Он мне много рассказывает о жизни ТАМ. Он говорил, что умирать совсем не страшно. Как будто ты превращаешься в пушинку и паришь над землей.

Он всегда приходит в красных шортах, в белой рубашке и в бейсболке с надписью «LA Lakers» – его любимая баскетбольная команда.

Иногда он читает мне стихи... одно я запомнила:

Пыль столетий летит через годы,

Собой заслоняя солнечный свет;

Мне снятся леса, реки и горы,

Друзья, которых в живых уже нет.

Я знаю, что небо ко мне благосклонно,

Я верю, что ты не забудешь меня,

Я помню, что ты любишь безумно,

Того одного, кто так любит тебя.

Сны – не более, чем работа нашего подсознания: анализ всего того, что было, что есть. Иногда, можно предсказать будущее. А иногда, я называю это дежа-вю, сначала снится сон, а потом то же самое происходит по-настоящему. Нет, конечно не все, но некие крохотные урывки. Как будто это все уже было.

В моих снах ко мне приходят стихи. Робби – олицетворение всех моих желаний, он как Ангел-хранитель успокаивает мою душу. Он всегда рядом, я чувствую это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.